

РЕВОЛЮЦИОНЕР-НАРОДНИК О ТОЛСТОМ

ДВЕ ЗАБЫТЫЕ СТАТЬИ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО

Публикация М. И. Перпер

В 1891 г. несколько русских революционеров основали в Лондоне «Фонд вольной русской прессы». Задачей этой организации было издание сочинений, запрещенных в России по политическим мотивам, и распространение этой литературы.

Среди членов «Фонда» было два писателя: Феликс Волховский, бежавший из сибирской ссылки, осенью 1890 г. добравшийся до Лондона, и живший там уже с лета 1884 г. Сергей Степняк-Кравчинский, успевший приобрести в Англии широкую популярность благодаря своим книгам, многочисленным журнальным и газетным статьям, публичным лекциям о России, разносторонней и напряженной деятельности, направленной на привлечение сочувствия к русской революции среди передовых людей других стран. С приездом Волховского в Лондон Степняк приобрел энергичного и талантливого товарища по литературной работе. Уже осенью 1890 г. начала выходить на английском языке газета «Свободная Россия», издававшаяся обществом англичан — «Друзей свободной России» под редакцией Степняка и Волховского. Следующим совместным шагом была организация «Фонда». На приславшиеся из России добровольные взносы крохотный коллектив революционеров-эмигрантов печатал агитационные, публицистические и художественные произведения (значительная часть их была написана Степняком) и устраивал доставку их в Россию. Транспортировкой литературы занимался польский революционер, бежавший из Сибири, Михаил Войнич («Иван Кельчевский») и ставшая в 1893 г. его женой молодая англичанка Лилиан Буль, которую русские товарищи ласково звали Булочкой (будущий автор «Овода»).

С 1893 г. «Фонд», стремясь продолжать традиции герценовского «Колокола», начал издавать «Летучие листки». Редактором их был Феликс Волховский. «Листки», как и газета «Свободная Россия», быстро откликались на все злободневные вопросы русской общественной жизни, среди которых в начале 90-х годов особенно важными были жестокое преследование царским правительством духоборов, штундистов и других сектантов, противопоставлявших себя официальной церкви, и энергичная борьба Толстого, направленная на разоблачение этих преследований.

Неудивительно поэтому, что имя Толстого часто встречается в обоих периодических органах. Понятно также, что когда Толстой прислал в Англию (см. об этом на стр. 475 1-й книги настоящего тома) написанную по его поручению брошюру П. И. Бирюкова «Гонение на духоборцев» и свою статью, сопровождавшую ее, именно «Фонд» быстрее всех откликнулся на желание писателя опубликовать эти материалы. «Листок» № 25 от 15 октября 1895 г. сообщал: «На днях появятся результаты расследования о духоборцах, полная правдивость которых удостоверяется Львом Толстым»; «К набору рукописи Льва Николаевича Толстого и его доверенного лица о духоборцах уже приступлено. Просим всех, кому дорога истина, послать нам деньги». В «Листке» № 26 от 12 ноября сообщалось: «На издание брошюры Льва Николаевича Толстого о духоборцах получено всего от разных лиц 5 фунтов, 5 шиллингов, 5 пенсов, печатание же (3 печатных листа) обойдется на менее 10 фунтов. Просим всех, кому дорога истина, поспешить присылкой недостающих денег». В «Листке» № 27 от 1 декабря уже было объявлено: «Вышли

в свет выпуски 19-й и 20-й изданий фонда ВРП. Первая из этих брошюр носит название „Гонения на духовборцев“.

Представляется несомненным, что это издание, до сих пор не учтенное специалистами, является *первой* публикацией статьи Толстого на русском языке, появившейся еще в конце ноября 1895 г. и помеченной на обложке 1895 г., а на титульном листе — 1896 г. Но еще раньше, а именно в «Times» от 23 октября н. с. появилась публикация посланной Толстым истории преследования духовборцов в переводе на английский язык, сделанном Д. Кенворти и С. Раппопортом. Однако состав этой публикации не совпадал полностью с изданием «Фонда». «Times» поместил в названном номере только сокращенный текст работы Бирюкова и коротенькое сопроводительное письмо Толстого «К редактору английской газеты» (см. т. 39, с. 237; т. 68, с. 173—174); обширное же послесловие Толстого к статье Бирюкова в «Times» не появилось.

Что касается издания статьи Толстого у Эллидина (Carouge — Genève, 1896), то его следует считать второй, а не первой публикацией документа на русском языке (здесь статья Толстого дана, вопреки его желанию, как предисловие, а не послесловие).

Печатаемое нами предисловие Степняка — не единственная работа его о Толстом. Почти одновременно с ней он писал другую, большую статью «Непротивление», опубликованную уже посмертно в «Листке» № 28 от 18 января 1896 г. Она также осталась неизвестной исследователям Толстого. Обе эти статьи глубоко полемичны. Один из «блестящей плеяды революционеров 70-х годов» (Л е н и н. Сочинения, т. 5, стр. 342), Степняк, отдавая должное разоблачительной силе выступлений Толстого, вместе с тем резко критиковал его проповедь «непротивления» с позиций революционной борьбы за освобождение народа и вскрывал связь этого «учения» с миропониманием миллионов русских крестьян, еще не отрешившихся от пассивной покорности судьбе и властям, от иллюзорных надежд на то, что когда-нибудь «сами собой заклинятся» «колеса колоссальной машины» бюрократического и эксплуататорского государства и жестокие угнетатели устыдятся своих злодеяний и станут по-братски относиться к людям. Сохранившиеся в архиве Степняка черновые варианты статей показывают, что автор смягчал первоначальные резкие полемические выпады, стремясь использовать насколько можно полнее «смелую совесть», «непререкаемый авторитет», «обаяние могучей личности» великого русского писателя, но никогда не поступался своими убеждениями, всегда четко выражая свое принципиальное несогласие с положениями Толстого. Более обстоятельно отношение Степняка к Толстому выражено в двух его статьях о писателе, являющихся итогом лекций о Толстом, которые Степняк читал начиная с 1888 г. в Англии, а в 1891 г. и в Америке. Эти статьи будут опубликованы на русском языке впервые в готовящемся к печати томе настоящего издания «Мировое значение Толстого».

ГОНЕНИЯ НА ДУХОБОРЦЕВ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

PUBLISHED BY THE RUSSIAN FREE PRESS
FUND, LONDON

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаю историю зверств, совершенных над кавказскими духовборцами, и мнение Л. Н. Толстого, считаем не лишним сказать со своей стороны несколько слов. Подобно Якутской бойне*, эти зверства являются одним из таких деяний нашего правительства, которые невозможно замол-

* 22 марта 1889 г. в Якутске власти учинили расправу над группой политических ссыльных, отказавшихся подчиниться приказу губернатора о немедленной отправке их по этапу без теплой одежды и пищи. Было убито шесть мужчин и женщин, ранено семь. Через несколько дней были казнены еще трое ссыльных как «зачинщики сопротивления». — М. II.

чать даже в России. Известия о них попали весьма скоро в заграничную русскую печать (см. «Листок № 25») *—и проникли даже в русскую легальную прессу, хотя в последней могли появиться лишь в крайне урезанном и ослабленном виде: русское правительство не стыдится и не боится разрешать своим чиновникам подобные варварства, но оно боится и стыдится их разоблачения. Подняв на защиту духоборцев свой могучий голос, Л. Н. Толстой превращает попытку нашего правительства затупить духоборческую бойню в уловку страуса спрятать за дерево свою глупую голову. Вся Англия и Европа услышали от него повесть о возмутительных издевательствах и жестокостях, совершенных над двадцатью тысячами ни в чем не повинных людей (точный перевод его сообщения появился в лондонском «Times» 23 октября). Теперь его услышит и Россия.

К рассказу о расправе над духоборцами мы прилагаем непоявившуюся в «Times» статью самого Льва Николаевича об этом деле, которую русские люди прочтут с интересом, как все, подписанное его именем. Нам нет надобности вдаваться в полемику с ним: наши взгляды на поднимаемый им вопрос достаточно известны. Нас не прельщает пример Симеона-воина, который сперва истребил всех павликиан, а потом сам обратился в их веру: мы знаем очень хорошо, что огромное большинство Симеонов-воинов вовсе не выказывало и не выказывает такой совестливости.

Да и помимо того, нас вовсе не умиляет мысль, что, насытившись истреблением, наши Симеоны-воины когда-нибудь прольют над нами слезы раскаяния. Чувство человеческого достоинства и простой бесхитростной любви к нашему народу подсказывает нам выводы, совершенно противоположные тем, какие делает наш почтенный автор.

Одно только замечание. Лев Николаевич утверждает, что зверства над духоборцами были роковым результатом идеи государственности и что всякое правительство должно было бы поступить с духоборцами так или почти так, как поступило русское. Но он ошибается с точки зрения как факта, так и права.

Во-первых, во всех государствах, в том числе и в тех, где существует обязательная <воинская> повинность, есть люди, отрицающие по религиозным убеждениям войну и употребление оружия. И нигде с ними не делают ничего подобного тому, что делают у нас с Дрожжиным, с Изюмченко и солдатами из духоборцев.

Во-вторых, те двадцать тысяч духоборцев и духоборок, которых били, убивали, насиловали, топтали лошадью, вовсе не нарушали законов о воинской повинности, по той простой причине, что к таковой они призваны не были. Лишь незначительная горсть из этих двадцати тысяч была в этом положении. За что же мучили остальных? За что разорили их всех? Единственно за их религиозные *убеждения*.

* «Есть еще совесть на Руси. И не робкая, сторонящаяся перед патентованным бесстыдством, едва смеющая шептать правду,— этой у нас много,— а совесть смелая, смотрящая прямо в глаза бесстыдной силе и громко зовущая ее на суд всего человечества.

Слухи, проникшие в общество о несчастных духоборцах, беззащитных жертвах кровавого издевательства императорских властей на Кавказе, были так невероятны, что возбудили сомнение даже и в друзьях пострадавших. Тогда один из личных друзей Льва Николаевича Толстого отправился нарочно на место действия и произвел там расследование. Он собственными глазами „видел многих из этих великих, кротких и сильных людей“, которые теперь, после полного разорения, когда им остался один их труд, работают на местах нового изгнания на бедных грузин даром и только с богатых берут плату. Результат этого расследования, *полная правдивость которого удостоверена Львом Николаевичем*, на днях появится как в иностранной, так и в русской зарубежной печати.

Посмотрим, чем, каким волшебством смоеет наше правительство теперь с себя то, чего оно не посмеет отрицать»

(«Летучий листок № 25», 15 октября, 1895, с. 1).

Этого не делают нигде, кроме России. Преступление совершено и могло совершиться только благодаря нашему политическому строю, и позор его ложится целиком на русское правительство.

Выступивши смело и открыто со своими разоблачениями, Лев Николаевич исполнил свой долг человека и гражданина. Появившись с его именем и под гарантией его непререкаемого авторитета, факты, им сообщаемые, облетят всю Россию и не одной тысяче людей послужат они новым стимулом для борьбы — все равно, желает ли он этого или нет.

(Persecutions of the Dukhobory with conclusion by Count Leo Tolstoi. Вып. 19, изд. Ф. В. Р. П. Лондон, 1896)

«НЕПРОТИВЛЕНИЕ»

Е. И. ПОПОВ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА, С ПРЕДИСЛОВИЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО. Берлин, издание Фридриха Готтгейнера, 47, Unter den Linden

Замечательная, поучительная и в высшей степени удручающая книга, прибавляющая еще один кровавый факт к истории бессмысленных злодеяний русского правительства и, вместе с тем бросающая новый и неожиданный свет на внутреннюю психологию того полурелигиозного, полусоциального движения, которое связано у нас с именем Л. Н. Толстого.

Е. Н. Дрожжин был один из его последователей, медленно замученный в Воронежском дисциплинарном батальоне за отказ от военной службы, — как несогласной с евангельским христианством.

Дрожжин был крестьянин родом, но он окончил курс в учительской семинарии, любил читать и читал довольно много, увлекаясь нашей либеральной литературой, был, стало быть, человеком из интеллигенции. Свое служение родине и человечеству он начал революционером-социалистом. Первым наставником, пробудившим его мысль, был некий «белгородский друг», один из ссыльных социалистов, вокруг которого группировалась передовая белгородская молодежь — учителя, семинаристы и гимназисты.

Поступив в 1888 г. учителем в деревню Черничену, Дрожжин является деятельным пропагандистом и навлекает на себя сперва неудовольствие своего училищного начальства, а затем попадает и в лапы жандармов.

В 1889 г. он был арестован и заключен в Харьковскую тюрьму как политический. Итак, Дрожжин был человек из нашей среды, плоть от плоти нашей, кость от кости. Его внутренний мир понятен и доступен нам, потому что это наш собственный внутренний мир, а правдивая, вовсе не сектантская биография его, написанная его единоверцем и почитателем Е. И. Поповым, дает нам массу указаний для воспроизведения внутреннего душевного состояния этого человека во время его тяжелого подвижничества.

Незадолго до своего ареста по политическому делу Дрожжин встретился с князем Д. А. Хилковым, одним из наиболее известных, последовательных и даровитых «толстовцев», который и обратил его в новую веру. Отсидев 8 месяцев и выпущенный в июне 1891 г., Дрожжин вскоре был призван к исполнению воинской повинности, так как был лишен во время заключения своего учительского звания.

Тут-то и начинаются его испытания. Мы не будем передавать повесть о медленном, вполне сознательном замучивании этого доброго, безобидного и совершенно безвредного человека. Недостаток места не позволяет нам остановиться на этом предмете, сколько он того заслуживает. Касаться же его вскользь мы не хотим. Отсылаем поэтому читателя к самой био-

графии, здесь же постараемся выяснить себе внутренний смысл и характер проходящей пред нами трагедии.

Идея безличного всепрощения и несопротивления злу не нова. Она была возведена двадцать веков тому назад, и, хотя послужила лишь источником бесконечного лицемерия и лжи, тем не менее мы можем представить себе то психическое состояние, при котором эта идея являлась бы для человека естественным и неизбежным руководящим принципом жизни и деятельности. Мы понимаем, что при полной девственной свободе души от всех культурных надстроек, именуемых чувством чести и собственного достоинства, человек, обладающий огромным запасом эмоционального энтузиазма, может почувствовать потребность, возможность и силу все победить и преодолеть своей безграничной любовью, если, идя на казнь или истязание, он ничего не чувствует, кроме желания «обнять своих палачей», как выразился один из таких энтузиастов, с которым нам удалось встретиться в 1874 г., если для него его мучители — те же братья, вызывающие в нем лишь сострадание к своим заблуждениям и жестокости, то такой человек не может быть ничем иным, как пропагандистом идеи несопротивления. Всеобъемлющее чувство жалости стирает в нем самое понятие о враге. Он не может ни защищаться, ни защищать других. Не может не платить добром за зло, не может не благословлять кланущих его. И как все цельное, простое, непосредственное и потому непоколебимо твердое, этот тип имеет свое обаяние: это безграничное обилие живого чувства может вызывать к живому чувству как отдельных людей, так и масс, вызывая в них и удивление и подражание.

Но Дрожжин не был представителем этого типа и, прибавим от себя, не мог быть таковым. Мы не видим в нем даже отдаленного ему подобия. Между друзьями и врагами он проводил резкую непреходимую грань. Он не чувствовал ни малейшей потребности благословлять кланущих его. У него «все клокотало внутри» от негодования и «волосы шевелились на голове» при бранном слове.

Сидя на харьковской гауптвахте и умышленно и злобно раздражаемый насмешками тупоумных караульных офицеров, он «лезет на них с кулаками», вызывая этим со стороны тюремщиков язвительные замечания, справедливость которых он не может не признать. И эта вечная, постоянная борьба с самим собой, постоянные и бесплодные попытки обезличить свою душу до овечьей безответности были до того мучительны, что он искренно обрадовался и пишет дифирамб физическому страданию, когда один из офицеров, наконец, рассердился на него и посадил его в ужасный карцер, где он буквально замерзал при 11-градусном морозе.

В дисциплинарном батальоне он до того озлобился на своих офицеров, что восклицает: «И где это Пугачевы на этих людей? Если бы знал, сейчас бы к ним ушел!».

И это были не минутные вспышки и противоречия, которые грешно было бы поставить в строку человеку в его положении. В самом нормальном состоянии, в дневнике он не выказывает к этим своим врагам ничего, кроме презрения, как к людям бездарным и неисправимо испорченным. Ни мысли, ни даже малейшей мечты о том, чтобы просветить их. Единственная его забота — это держать себя от них на почтительном расстоянии. *Где же тут христианская любовь?*

За несколько недель до смерти, накануне выхода из батальона, в ответ на сладко-елейное письмо некоего Т. В. он так характеризует своих мучителей: «Представь себе прохвоста, пьяницу, развратника, невежду, свинью и дурака, который употребил бы все свои силы и способности, чтобы поломаться над тобой». И затем, предвидя возражения своих христианствующих собратьев, он прямо заявляет: «Теперь не время разбирать, что никого из людей не должно считать таковыми и т. п. Этот

разбор есть слова, разговор, философствования, а я говорю так, что всякий русский поймет: „есть зло и злые люди“. Но ты с ними еще не сталкивался». Дрожжин столкнулся и воспылал к ним, как мы видели, вовсе не кроткими братолюбивыми чувствами. К чему же, стало быть, сводилась у него идея непротivления? Ведь это только с точки зрения формального, внешнего закона существует пропасть между мыслью, желанием и чувством, с одной, действием, с другой стороны. С точки зрения религии, закона, порядка и благоустройства внутреннего, такой разницы нет вовсе. Всякий, кому есть охота, может доказать ссылками на Писание, что не только известный апостол, недолюбливаемый Львом Николаевичем, но и основатель христианства считал, что злоститься на человека в душе то же, что сделать ему зло явно, подчас — хуже, потому что скрываемая и подавляемая злоба становится от этого сильнее. Не то ли было с Дрожжиным?

Все это мы говорим не в осуждение нашего замученного брата. Жгущая жалость к нему только увеличивается при мысли о тех придаточных нравственных мучениях, которые он испытывал от этого внутреннего противоречия и которые были для него настолько тяжелее мучений физических, что он радовался последним как отвлечению и избавлению. Мы отдаем должную дань его мужеству. Есть характерный анекдот об офицере, который неподвижно стоял бледный от страха под неприятельским огнем и на насмешку своего товарища над его трусостью отвечал: «Да, это правда, мне страшно, так страшно, что на моем месте вы бы давно побежали». Этот ответ ясно обнаруживает, кто из них двоих был нравственно сильнее. Но это сила не живая, не импонирующая, не двигающая людей. Этот бледный дрожащий от страха стойк, держащий себя железной рукой под вражьими пулями, не мог воодушевить своих солдат, не мог заглушить в них инстинкт самосохранения, не мог подвигнуть их на подвиг храбрости.

И при виде его невозможно не пожалеть, что этот герой попал в военную службу. Идти бы ему по гражданской! Подобное же чувство, хотя в обратном направлении, вызывает Дрожжин. Идея всепрощения и непротivления не была у него органической потребностью его натуры. Он дошел до нее не непосредственным чувством, а путем рассудочным, рефлексивным. Борьба со злом, противопоставлять насилию корыстному и произвольному насилию самоотверженное и неизбежное было совершенно возможно для него психически.

Но, «сообразовав», по его выражению, «свои действия с мыслями, сколько хватало силы и добросовестности», он отверг этот путь и предпочел путь несопротивления как более пригодный. И затем, признав и эту религию, основанную на утилитарных соображениях, и эту идею всепрощения, поддерживаемую мыслью о конечном выигрыше, он гнет и ломает свою душу, подавляя свои естественные порывы, чтоб вогнать себя в надежные на себя вериги. Он выдерживает свой страшный искуc до конца, как тот офицер, что стоял под пулями. Но выдерживает лишь внешним образом. Его подвиг не одушевляет, а удручает, вызывает лишь недоумевающий и унылый вопрос: к чему вся эта ломка и все эти страдания? Как протест гражданский, подобный отказу Гемпдена платить корабельную пошлину, не вотированную парламентом, поступок Дрожжина достиг своей цели. Не хотел служить и не служил, как его ни мучили, а до остального ему нет дела. Но ведь он преследовал цель не политическую, а нравственную. Для него в этом «костальном» и была вся суть, — иначе он бы просто мог уклониться от службы. Он заботился о душе, своей и чужой; для души же ничего не вышло и выйти не могло. Не очистил он своими страданиями ни себя, ни других. Никого он не обратил, никого не умилил и не смягчил, не только из среды мучителей-офицеров, но и из среды товарищей, солдат дисциплинарного батальона, которые были такими же

почти мучениками, как и он сам. Только живому непосредственному чувству дано творить эти чудеса очищения, его же у него не было и следа.

Но чем объясняется это, так сказать, сердечное бессилие? Не было ли оно просто результатом случайных особенностей темперамента, природной замкнутости и холодности души, неспособной к сердечному порыву?

Russisches Politisches Flug-Blatt.

№ 28

Feuille Politique Russe.

ЛЕТУЧИЕ ЛИСТКИ

ИЗДАВАЕМЫЕ ФОНДОМЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ ВЪ ЛОНДОНѢ

подъ редакцией

Ф. ВОЛХОВСКОГО

Адресъ конторы

R. F. P. Fund Co. 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.

Цена: 2½ пенса (10 цент.; 25 салт.; 20 пфен.; 12 крейц.; 10 коп.).

Годъ изданія 3-й

18 января (н. с.) 1896 г.

«НЕПРОТИВЛЕНИЕ.»

Е. И. Поповъ. Жизнь и Смерть Евдокима Никитича Дрожжина, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Берлинъ, изданіе Фридриха Готтгеймера, 47, Unter den Linden.

Замѣчательная, поучительная и въ высшей степени удручающая книга, призывающая еще одинъ кровавый фактъ къ исторіи безмысленныхъ злодѣйствъ русскаго правительства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросающая новый и неожиданный свѣтъ на внутреннюю психологію того полурелигіознаго, полу-соціальнаго движенія, которое связано у насъ съ именемъ Л. Н. Толстого.

Е. Н. Дрожжинъ былъ одинъ изъ его поспѣдователей, медленно замученный въ Воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ за отказъ отъ военной службы, — какъ несогласной съ евангельскимъ христіанствомъ.

Дрожжинъ былъ крестьянинъ родомъ, но онъ кончилъ курсъ въ учительской семинаріи, любилъ читать и читалъ довольно много, увлекался нашей либеральной литературой, былъ, стало быть, человѣкомъ изъ интеллигенціи. Свое служеніе родникъ и человечеству онъ началъ революционеромъ.

требованія ихъ явно дурны и вредны? »

Мы подписываемся подъ этими строками обѣими руками. Но не ясно ли что такимъ людямъ, какими самъ Л. Толстой представлялъ нашихъ властелиновъ, нельзя ни растрогать, ни образумить тѣми способами воздѣйствія, — какія онъ предлагаетъ? Не ясно ли сугубо, что утрата властью личнаго характера и переходъ ея въ вѣденіе многоголоватаго автомата, именуемаго бюрократіей, дѣлаетъ подобныя попытки уже окончательно безнадежными? О томъ, чтобы добратся до души и сердца одиночнаго тирана можно хоть мечтать. Но какъ добратся до души и сердца автомата, машины, у которой нѣтъ ни того, ни другого? Не очевидно ли, что такая перемѣна дѣлаетъ путь внѣшняго воздѣйствія, путь политическій и революціонный еще неизбежнѣе и неистратимѣе?

С. СТЕПНЯКЪ.

«НЕПРОТИВЛЕНИЕ». РЕЦЕНЗИЯ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО НА КНИГУ Е. И. ПОПОВА «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВДОКИМА НИКИТИЧА ДРОЖЖИНА С ПРЕДИСЛОВІЕМЪ Л. Н. ТОЛСТОГО»

«Летучие листки» от 18 января 1896 г., № 28, титульный лист (воспроизводится частично) и стр. 12—16 (начало и конец рецензии)

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

Нет, вовсе нет. Биография рисует его человеком исключительно добрым, любящим и сердечным. Будучи учителем, он отдает большую часть своего жалованья бедствующим крестьянам; он делится с нуждающимся последним куском хлеба; он одет чуть не в лохмотья; он бредет пешком в уездный город за неизменением денег на подводу; он живет без копейки, впро-

голодь, лишь бы не отпустить нуждающегося от своих дверей без помощи. И все это он делает не по «принципу», а по сердечному влечению. Он любит этих людей. Он радуется, как ребенок, когда ему удастся помочь кому-нибудь из них. Нет, не природа обделила Дрожжина. Причина его несчастия заключалась в том, что он был человек культурный. Культурный же человек, если он при этом человек идеи, может спокойно идти на смерть и на муки одиночного заключения, но он не может ждать с христианским смирением перспективы сечения, не может выносить площадной брани или пинка, не может смотреть без ненависти на людей, могущих по первому капризу подвергнуть его всем этим унижениям. Обратиться вспять к первобытному безличию для нас так же невозможно, как взрослому человеку заговорить лепетом ребенка. Эти понятия срослись с культурным человеком, сделались органическим элементом его природы, и все попытки принизить себя до уровня первобытного человека являются насильем над собственной душой, которое не только возмутительно само по себе, но вдобавок еще совершенно бесплодно. Пример Дрожжина перед нашими глазами. Он был человек культурный или попросту человек; а хотел превратить себя в овечку и не смог и пропал задаром. Не сможет сделать этого ни один нормальный человек нашего времени. Испорчены ли мы культурой или возвышены — это дело вкуса, но палестинским идеалам среди нас нет места. Таково поучение, которое мы извлекаем из этой мучительной книжки.

Мы распространились так много о самой биографии, что должны ограничиться немногими выписками из той части ее, на которую прежде всего накинется читатель, — из предисловия самого Л. Н. Толстого. Это безусловно лучшая и самая сильная вещь из всего, написанного им в этом роде. Первая половина ее посвящена доказательству «от Писания», что солдатчина и идея повиновения властям, не только за страх, но и за совесть, противны учению Христа. Все это мы опускаем как совершенно для нас безразличное. Но, воздав божие богу, Лев Николаевич принимается за кесаря и воздает ему должное с силой, убедительностью и смелостью, какую мы редко встречали даже на его страницах. Здесь он уже рассматривает власть не как принцип, а как конкретную реальность и доказывает, что в настоящее время повиновение властям «по совести» стало нравственным и логическим противоречием. Л. Н. говорит: «Не говоря уже о внутреннем противоречии христианства и повиновения власти, повиновение власти не из страха, но по совести стало невозможно в наше время потому, что вследствие всеобщего распространения просвещения власть, как нечто достойное уважения, высокое и, главное, нечто определенное и цельное, совершенно уничтожилась и нет никакой возможности восстановить ее. Ведь хорошо было не из страха только, но и по совести повиноваться власти, когда люди во власти видели то, что видели в ней римляне — императора-бога, или как видели в средние века, да и вообще до революции*, в королях и императорах божественных помазанников, как еще недавно у нас в народе в царе видели земного бога, когда и не представляли себе царей, королей, императоров иначе, как богов в величественных положениях, творящих мудрые и великие дела; но как же быть теперь, когда все уже, за исключением самых грубых и необразованных людей, которых становится все меньше и меньше, все хорошо знают, какие порочные люди были те Людовики XI, Елизаветы Английские, Иоанны IV, Екатерины, Наполеоны, Николай I, которые царствовали и распоряжались судьбами миллионов, и царствовали не благодаря какому-то священному неизменному закону, как это думали прежде, а только потому, что люди эти сумели разными обманами, хитростями, злодействами так

* Имеется в виду французская буржуазная революция 1789—1793 гг.—М. П.

утвердить свою власть, что их не могли свергнуть, казнить или прогнать, как казнили и прогнали Карла I, Людовика XVI, Максимилиана мексиканского, Людовика-Филиппа и других.

Как быть теперь, когда все знают, что и теперь властвующие короли, императоры не только не особенные, святые, великие, мудрые люди, занятые благом своих народов, но напротив, большею частью очень дурно воспитанные, невежественные, тщеславные, порочные, часто очень глупые и злые люди, всегда развращенные роскошью и лестью, занятые вовсе не благом своих подданных, а своими личными интересами, а, главное, неустанной заботой о том, чтобы поддержать свою шатающуюся, только хитростью и обманом поддерживаемую власть.

Но мало того, что люди видят теперь то дерево, из которого сделаны властители, представлявшие им прежде особенными существами, что люди заглянули за кулисы этого представления и уже невозможно восстановить прежнюю иллюзию, люди видят и знают, кроме того, и то, что властвуют собственно не эти властители, а в конституционных государствах — члены палат, министры, добывающиеся своих положений интригами и подкупам, а в неконституционных — жены, любовницы, любимцы, льстецы и всякого рода пристраивающиеся к ним помощники.

Говорят: «Как решиться не повиноваться властям?»

Каким властям? При Екатерине, когда бунтовал Пугачев, половина народа присягала Пугачеву и была под властью его; что ж, какой власти надо было повиноваться? власти Екатерины или Пугачева? Да при той же Екатерине, которая отняла власть у своего мужа-царя, которому присягали, кому надо было повиноваться? продолжать ли повиноваться Петру III или Екатерине?

Ни один русский царь, от Петра I и до Николая I включительно, не вступил на престол так, чтобы ясно было, чьей власти нужно повиноваться. Кому надо было повиноваться: Петру I или Софии, или Иоанну — старшему брату Петра? София имела такие же права на царство, и доказательством того служит то, что после нее царствовали имевшие меньше прав женщины — обе Екатерины, Анна, Елизавета. Чьей власти надо было повиноваться после Петра, когда одни придворные взводили на престол солдатку, любовницу пастора, Меньшикова, Шереметева, Петра, — Екатерину I, а потом Петра II, потом Анну и Елизавету и, наконец, Екатерину II, имевшую на престол прав не больше Пугачева, так как во время ее царствования один законный наследник — Иоанн — содержался в крепости и был убит по ее распоряжению, а другой несомненный законный наследник был совершеннолетний сын Павел. И чьей власти надо было повиноваться — власти Павла или Александра — в то время, как заговорщики, убившие Павла, еще только собирались убивать его? И чьей власти надо было повиноваться — Константина или Николая, — когда Николай отнимал власть у Константина? Вся история есть история борьбы одной власти против другой как в России, так и во всех других государствах.

Мало того, даже не во времена междоусобий и свержения одних властителей и замены их другими, в самые мирные времена, надо ли повиноваться Аракчееву, захватившему власть, или стараться свергнуть его и убедить царя в негодности его министров? Распоряжается людьми не верховная власть, а ее служители; надо ли повиноваться этим служителям, когда требования их явно дурны и вредны?»*

Мы подписываемся под этими строками обеими руками. Но не ясно ли, что таких людей, какими сам Л. Н. Толстой представляет наших

* См. «Жизнь и смерть Дрожжина», стр. XX, XXI, XXIV—XXVI предисловия Л. Н. Толстого. — *Прим. Степняка.*

властелинов, нельзя ни растрогать, ни образумить теми способами воздействия, какие он предлагает? Не ясно ли сугубо, что утрата властью личного характера и переход ее в ведение многоголового автомата, именуемого бюрократией, делает подобные попытки уже окончательно безнадежными? О том, чтоб добраться до души и сердца единоличного тирана, можно хоть мечтать. Но как добраться до души и сердца автомата, машины, у которой нет ни того, ни другого? Не очевидно ли, что такая перемена делает путь внешнего воздействия, путь политический и революционный еще неизбежнее и неотвратимее?

(«Летучие листки» Фонда вольной русской прессы, № 28, от 18 января 1896 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ЧЕРНОВОГО ВАРИАНТА СТАТЬИ

1

Против этого организованного насилия у Льва Николаевича панацея одна: отказ от военной службы. «Все это (насилие) держится войском. Войско же состоит из солдат. Солдаты же мы сами. Не будь солдат и ничего этого не будет».

И так все должны следовать примеру Дрожжина — в одиночку бросаться под колеса колоссальной машины и дать себя раздавить в надежде, что потом охотников быть раздавленными явится столько, что колеса сами собой заклинятся и машина остановится. Не станем доказывать фантастичность этого плана. Обратим внимание на его чудовищную жестокость. Мы знаем из опыта, насколько «несопротивление» размягчает сердца власть имущих.

Оставим в покое несчастного Дрожжина: ведь все пятьсот солдат дисциплинарного батальона практиковали теорию непротивления из года в год. А Буровы с Астафьевыми секли их ежедневно, и это им не отощало, и секут их и поныне и, если им не помешают внешней силой, будут продолжать сечь и мучить их до второго пришествия. Допустим на минуту, что Буровы и Астафьевы, заседающие в Петербурге, и, по словам самого Л. Н., весьма похожие на своих воронежских собратьев, тем не менее окажутся податливее. Спрашивается, сколько сотен тысяч народа должны будут дать себя замучить, истерзать, чтобы добиться такого результата?

А между тем пример всей Европы показывает, что одного дружного усилия нескольких десятков тысяч, и даже меньше, достаточно было, <чтобы> добиться того же.

2

В лице Толстого древний Восток ополчается на современный Запад. Но ни его громадный талант, ни обаяние его могучей, можно сказать, монументальной личности не могут повернуть естественного течения жизни.

Мы пережили первобытные формы христианского суеверия: веру в загробное возмездие, богочеловечество, без которых христианская этика является рассудочной доктриной. Мы пережили идею христианского смирения.

Учение всепрощения было прогрессивным, будучи сопоставлено с учением родовой и личной мести. Но оно является реакционным пред современным учением о борьбе как необходимом условии органического роста общества. Мы боремся не против личностей, а против известных вредных общественных форм, воплощаемых, отстаиваемых этими личностями.